

**О возможностях и пределах использования категории «механизм»
в юриспруденции**

Владислав Юрьевич Панченко^{1,2,3}

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

³ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Доктор юридических наук

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

panchenkovlad@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен эвристический потенциал и границы применимости категории «механизм» в юридической науке. Исходя из того, что данная категория заимствована из технических дисциплин и теории управления, выявлены как позитивные стороны ее использования (системное описание правового воздействия, выделение стадий и элементов правового регулирования, возможность диагностики сбоев), так и принципиальные ограничения, обусловленные спецификой права как социально-культурного феномена, включающего сознание, интересы и адаптивные стратегии субъектов. На основе критического пересмотра классической позитивистской доктрины (С.С. Алексеев) с привлечением достижений современной материалистической теории права (В.М. Сырых), а также понятий правовой жизни и ее полиморфии, обоснован вывод о том, что категория «механизм» не может рассматриваться как универсальная и самодостаточная для объяснения процесса правового регулирования, ее абсолютизация ведет к недоучету субъективных факторов (правосознания, правовой культуры, правового отчуждения) и не позволяет адекватно описать случаи «мертвых» норм и адаптивное правовое поведение. В качестве альтернативы предлагается использовать категорию «правовая жизнь» в аспекте различных ее форм («полиморфия права») и их взаимодействия, позволяющее фиксировать переходы между различными формами существования права (позитивное, индивидуальное, конкретное, фактическое) и включающие как нормативные предписания, так и практики их реализации, деформированные и адаптивные.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, правовая жизнь, полиморфия права, позитивизм, материалистическая теория права, правосознание, правовая культура

Для цитирования: Панченко В.Ю. О возможностях и пределах использования категории «механизм» в юриспруденции // IP: теория и практика. 2026. № 2.

Original article

On the Possibilities and Limits of Using the Category "Mechanism" in Jurisprudence

Vladislav Yu. Panchenko^{1,2,3}

¹ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

² All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

³ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Doctor of Law

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

panchenkovlad@mail.ru

Abstract. This article examines the heuristic potential and applicability limits of the category "mechanism" in legal science. Based on the fact that this category is borrowed from technical disciplines and management theory, both the positive aspects of its use (systematic description of legal impact, identification of stages and elements of legal regulation, the ability to diagnose failures) and fundamental limitations caused by the specific nature of law as a socio-cultural phenomenon, including the consciousness, interests and adaptive strategies of subjects. Based on a critical revision of the classical positivist doctrine (S.S. Alekseev) with the involvement of the achievements of the modern materialistic theory of law (V.M. Syrykh), as well as the concepts of legal life and its polymorphism, the conclusion is substantiated that the category of "mechanism" cannot be considered universal and self-sufficient for explaining the process of legal regulation; its absolutization leads to an underestimation of subjective factors (legal consciousness, legal culture, legal alienation) and does not allow for an adequate description of cases of "dead" norms and adaptive legal behavior. As an alternative, it is proposed to use the category of "legal life" in terms of its various forms ("polymorphism of law") and their interactions, allowing for the recording of transitions between various forms of legal existence (positive, individual,

concrete, factual) and encompassing both normative prescriptions and their implementation practices, including deformed and adaptive ones.

Keywords: legal regulation mechanism, legal life, polymorphism of law, positivism, materialist theory of law, legal consciousness, legal culture.

For citation: Panchenko V.Yu. On the Possibilities and Limits of Using the Category 'Mechanism' in Jurisprudence // IP: Theory and Practice. 2026. No. 2.

Введение

Категория «механизм» давно и прочно обосновалась в понятийном аппарате отечественной юриспруденции, прежде всего в рамках теории права применительно к описанию и объяснению процесса правового регулирования. Благодаря фундаментальным трудам С.С. Алексеева и его последователей категория «механизм правового регулирования» стала едва ли не обязательным атрибутом монографий, учебников, научных статей как по общей теории права, так и по отраслям права. Под механизмом правового традиционно понимается взятая в единстве совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения, а в качестве основных элементов выделяются юридические нормы, правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей, а также нормативные правовые акты, правосознание, правовая культура, законность и др.

Однако, по верному замечанию В.М. Сырых, понятия «регулятор» и «регулирование» первоначально возникли в технических науках и кибернетике для описания работы саморегулируемых систем, регулятор в техническом смысле – есть компонент системы, который в реальном времени отслеживает отклонения параметров и вырабатывает корректирующие сигналы, часто на основе принципа отрицательной обратной связи. Перенос этой метафоры в правоведение, по убеждению В.М. Сырых, порождает глубокую методологическую ошибку: нормы права, зафиксированные в его формальных источниках, представляют собой не сам регулятор, а аналог проектно-конструкторской документации – набор инструкций и чертежей,

описывающих, как должен действовать механизм, но не содержащих в себе «энергии» для его запуска.

В самом деле, если вдуматься, норма права сама по себе существует как текст (письменное или устное установление), который должен быть воспринят, понят, интерпретирован и лишь затем – по свободной воле субъекта или под угрозой государственного принуждения – воплощен в поведении. Между нормой и реальным действием всегда находятся сознание, интересы, мотивы, ценностные установки человека. Следовательно, правовое регулирование не является механическим или механистическим процессом, а представляет собой сложный социокультурный феномен, где термин «механизм» во многом имеет метафоричный характер.

На наш взгляд, необходимо, сохранив позитивные достижения системного анализа, предложенного С.С. Алексеевым, определить границы применимости категории «механизм» в юриспруденции.

Методы

Методологическую основу исследования составляет диалектика, позволяющая рассматривать правовое регулирование как процесс, включающий в себя переходы между различными формами бытия права (возможность – действительность, абстрактное – конкретное и т.п.). Использован формально-логический метод для выявления внутренних противоречий в позитивистской доктрине механизма правового регулирования. Задействованы элементы социологического подхода (анализ практик правового отчуждения и адаптации) и метода историко-правовой реконструкции (рассмотрение эволюции научных взглядов).

Основное исследование

Работа С.С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (1966) явилась несомненным научным прорывом для своего времени, который позволил преодолеть фрагментарный подход, когда нормы, правоотношения, акты реализации изучались изолированно. С.С. Алексеев предложил рассматривать их как звенья единой

цепи, что соответствовало системному подходу общенаучной тенденции того времени. Механизм правового регулирования, по С.С. Алексееву, включает три стадии: 1) регламентирование общественных отношений (нормы права); 2) возникновение прав и обязанностей (правоотношения); 3) реализация субъективных прав и обязанностей [1, с. 33–34].

Такая схема давала ответы на практические вопросы: где искать сбои в правовом регулировании? Например, если норма есть, но правоотношение не возникает, значит, не срабатывают юридические факты (отсутствуют необходимые действия или события, либо их установление чрезмерно затруднено и пр.); если же правоотношение есть, но конкретные субъективные юридические права не реализуются – возможно, отсутствуют эффективные правообеспечительные механизмы. Такая модель механизма оказалась чрезвычайно удобной для дидактических целей и для первоначального, общего сравнения правовых систем разных государств и их типологии.

С.С. Алексеев отмечал, что механизм правового регулирования не исчерпывается нормами и правоотношениями, но включает правосознание и правовую культуру [1, с. 35]. Правда, как справедливо заметили последующие критики, эти субъективные элементы остались в его теории скорее декларацией, чем реально работающей частью механизма.

Однако уже в самой терминологии скрыты методологические неопределенности. С.С. Алексеев использовал слово «механизм» в переносном, метафорическом смысле, но его последователи (и, отчасти, он сам) начали придавать этой метафоре свойства буквальности. Право стали представлять как некий агрегат, где норма – «рычаг», правоотношение – «передаточная шестерня», акт реализации – «исполнительное устройство» и т.д. Такое «овеществление» права явно противоречит его природе как феномена, неразрывно связанного с сознанием и волей людей.

Наиболее последовательную и системную критику «механического» подхода предпринял В.М. Сырых в рамках разработанной им

материалистической теории права. В.М. Сырых утверждает, что нормы позитивного права сами по себе не являются регуляторами, а регулирование в праве осуществляется на уровне возникновения правоотношений, который в частном праве представлен самими индивидами (их волей и действиями), а в публичном – правоприменительными органами [2, с. 7–8].

В.М. Сырых проводит различие между проектно-конструкторской документацией (законы, подзаконные акты и иные формальные источники права) и реально действующими техническими устройствами (общественные отношения, деятельность людей). Законодатель проектирует пути (каналы), по которым реальная энергия людей (интерес, потребность, воля субъекта, активность, деятельность, усилия и т.д.) должна направляться. Если же у субъекта нет интереса в реализации права, если для него выгоднее нарушить закон или вовсе не вступать в правоотношения, никакой «механизм» не заставит его действовать иначе, альтернативой выступает внешнее принуждение, которое часто является ресурсозатратным. Поэтому, считает В.М. Сырых, эффективность права зависит не столько от совершенства «механизма», сколько от того, насколько правовые предписания соответствуют объективным закономерностям общественного развития и реальным интересам людей [2, с. 16–18].

Критика механистических представлений со стороны В.М. Сырых, на наш взгляд, является принципиальной в силу того, что она показывает, что категория «механизм» скрывает активную роль субъекта. В техническом механизме детали не имеют собственных целей и желаний; они либо исправны, либо нет. В праве же субъект может быть вполне «исправен» (дееспособен, вменяем и пр.), но сознательно выбирать неправомерное поведение или, напротив, не использовать свои права по разным причинам. Правовое регулирование – это не однозначная причинно-следственная связь «норма – действие», а вероятностный процесс, зависящий от множества социальных, психологических и культурных переменных.

Для преодоления ограничений «механистической» схемы в современной юриспруденции (в том числе в работах самого автора настоящей статьи) разрабатывается понятие полиморфии права. Полиморфия (от греч. πολύς – многий и μορφή – форма) означает способность одного и того же явления – права – существовать и функционировать в разных внешних формах в течение своего жизненного цикла [3, с. 5–6].

В соответствии с материалистической теорией В.М. Сырых можно выделить, как минимум, четыре формы права [2, с. 1–2; 3, с. 6–7]. Первая форма – позитивное право: система общеобязательных норм, исходящих от государства и закрепленных в формальных источниках (законы, указы, постановления и т.д.), т.е. своеобразная «проектная документация», существующая объективно, но не действующая автоматически.

Вторая форма – индивидуальное право: результат правосознания, т.е. представления индивида (или группы) о допустимом и должном поведении, которые он готов реализовать в своей деятельности. Сюда входит и индивидуальное право должностных лиц-правоприменителей, которое важно для публично-правовой сферы, и индивидуальное право частных лиц.

Третья форма – конкретное право: предписания индивидуального характера, содержащиеся в правоприменительных актах (приговорах, решениях судов, приказах) и договорах (соглашениях). Это форма, в которой общая норма «спускается» до уровня единичного отношения и получает конкретное наполнение.

Четвертая форма – фактическое право: реальное поведение людей, реализующее (или нарушающее) конкретные правовые предписания. Это форма, в которой право окончательно переходит из идеального (должного) в материальное (сущее) и становится частью предметно-практической деятельности.

Понятие «полиморфия» фиксирует, что право постоянно переходит из одной формы в другую: позитивное – индивидуальное – конкретное – фактическое. Причем эти переходы не являются автоматическими.

Возможны «разрывы»: позитивная норма может так и не стать индивидуальным правом (если индивид ее не знает, не принимает, не интерпретирует в свою пользу); индивидуальное право может не воплотиться в конкретный акт (если лицо, например, не решится на обращение в суд или не заключит договор); конкретный акт может остаться неисполненным (фактическое право не наступает). В этой многоканальной и многовариантной динамике значительную роль играет процесс принятия человеческих решений.

Пределы применимости категории «механизм» показательны в примерах из юридической практики.

Так, массовое неисполнение судебных решений с точки зрения «механизма правового регулирования» представляет собой «сбой на стадии реализации». Норма права и основанное на ней правоприменительное решение есть (решение суда вступило в законную силу), правоотношение возникло (должник обязан уплатить, взыскатель вправе требовать), акт реализации (исполнительное производство) запущен. Однако механизм «буксует»: имущества у должника нет, доходы неофициальные, приставы перегружены и т.д. и т.п., а немаловажно и то, что сам должник (если он действует недобросовестно) не испытывает внутреннего побуждения исполнить решение. Его индивидуальное право, как представление о должном, не совпадает ни с позитивным, ни с конкретным правом, правовая норма не переведена в его внутреннюю установку. Механистическая схема этого не объясняет, она лишь констатирует «сбой». Материалистическая же теория права и понятие полиморфии показывает разрыв между конкретным правом (судебным решением) и фактическим правом (реальным поведением должника), для преодоления которого нужны не столько «улучшения механизма», сколько изменение внешних, внеправовых стимулов.

Рациональная стратегия юридически значимой деятельности в условиях дефектов правоприменения может выступать и правовая апатия. Предприниматель в условиях административных барьеров и коррупционных

проявлений, зная о праве обжаловать действия чиновников в суде, заявлять о необходимости возбуждения уголовных дел и др. выбирает не активную защиту прав, а «адаптацию» – платить, не обращаться, «не высовываться». С позиции механической модели, он ведет себя «деформированно» (правовой нигилизм, пассивность). Однако его внутреннее решение – результат осознанного соотнесения издержек и выгод [4, с. 8–10], демонстрирующий адекватную условиям правовую культуру «выживания».

В законодательствах всех государств существует некоторое количество правовых норм, которые формально не отменены, но фактически не применяются. Например, технические регламенты, противоречащие современным технологиям; нормы, требующие получения разрешений, которые никто не выдает в силу отсутствия административного регламента и т.д. «Механизм» в таких случаях не работает, потому что отсутствует одно из звеньев (например, нет подзаконного акта или нет практики привлечения к ответственности). Однако схема «норма – правоотношение – реализация» не позволяет отличить «мертвую» норму от «действующей», это возможно лишь эмпирически, путем обращения к практике. Материалистическая теория права объясняет это отсутствием перехода из позитивного права в индивидуальное (никто не воспринимает норму как руководство к действию) и в конкретное (нет актов применения), а причины могут скрываться как в дефектах юридической техники и низком уровне правовой культуры, так и в несоответствии реальным потребностям людей.

Наконец история знает немало примеров правового отчуждения, несущего позитивный смысл. Так, в нацистской Германии существовали расовые и иные античеловеческие законы и т.д., а многие граждане, внутренне не принимая эти нормы, тем не менее формально их соблюдали – из страха, а не из убеждения. Механическая схема здесь показывает «работу»: есть и нормы, и правоотношения, и реализация. Категория «механизм», будучи использованной безоценочно, оказывается нейтральной к содержанию права и может легитимировать любую репрессивную систему

как «исправно работающий механизм», и в этом заключается определенная опасность.

Понятием, способным «снять» ограничения механистического подхода, является «правовая жизнь». Как пишет А.В. Малько, правовая жизнь – это «форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [5, с. 6–7].

Категория «правовая жизнь» имеет ряд преимуществ. Во-первых, она априорно включает в себя не только «работающие» элементы (нормы, акты, правоотношения), но и «патологии» (правовые ошибки, лакуны, коллизии, коррупционные риски, правовой нигилизм). Во-вторых, она ориентирует на исследование реального правового поведения, а не только на анализ текстов законов. В-третьих, она позволяет изучать правовое отчуждение – феномен, который в «механизме» выглядит как просто «поломка», но в реальности может быть осознанной адаптационной стратегией [5, с. 8–9]. Развивая эту идею, В.В. Гурьев предлагает понятие «государственно-правовая жизнь», акцентируя внимание на участии органов публичной власти в формировании и поддержании правопорядка [6, с. 91–96]. Правовая жизнь, таким образом, не сводится к работе «механизма»; она включает в себя всю палитру юридических практик – от заседаний парламента до актов соблюдения правил дорожного движения.

Из сказанного не следует, что категорию «механизм» нужно «изгнать» из юриспруденции, она сохраняет свою продуктивность в следующих областях.

Во-первых, в тех сферах общественных отношений, где есть четкие алгоритмы и однозначные причинно-следственные связи (например, регистрационные действия и процедуры, работа публичных онлайн-сервисов и т.д.). В этих областях поведение субъекта действительно приближается к действию «автомата». «Механизм» здесь работает, потому что степень

свободы усмотрения сведена к минимуму, а санкции за отклонения неотвратимы. В то же время и здесь есть пределы – даже при регистрации недвижимости возможны споры о праве, которые не решаются «автоматически».

Во-вторых, категория «механизм правового регулирования» продуктивна в дидактических целях – для первоначального знакомства студентов с логикой правового регулирования. Схема «норма – правоотношение – реализация» удобна для запоминания и создает базовый каркас, на который затем наращиваются более сложные представления о правовой культуре, правосознании, пробелах, коллизиях и т.д. Но важно подчеркивать условность этой схемы, чтобы не формировать механистическое мышление.

В-третьих, при моделировании «нормальных», «идеальных» правовых процессов, когда мы абстрагируемся от человеческого фактора и предполагаем, что субъекты полностью информированы, рациональны и стремятся следовать закону. Такое моделирование полезно для выявления логических нестыковок в праве и юридической практике.

В-четвертых, в некоторых институтах частного права, где действует принцип «автоматизма»: например, при наследовании по закону факт смерти и наличие родственных отношений автоматически порождают право на наследство (если нет отказа). Здесь переход от юридического факта к правоотношению действительно напоминает срабатывание механизма. Но даже в этом случае нужны действия наследников по принятию наследства, т.е. субъективный фактор, энергия, усилия людей.

Альтернативой механистическому подходу может стать полиморфный подход, где право рассматривается как сложная адаптивная система, включающая нормы (позитивное право), интерпретации и убеждения (индивидуальное право), индивидуальные предписания (конкретное право) и массовое поведение (фактическое право). Компоненты этой системы находятся в постоянном взаимодействии, и изменение одного компонента

(например, принятие нового закона) не приводит автоматически к изменениям в других; результат зависит от того, как закон будет воспринят правоприменителями и гражданами.

При таком ракурсе категория «механизм правового регулирования» может быть сохранена, но с обязательной оговоркой о ее условности и лишь как один из элементов более широкой категории «правовая жизнь». Правовая жизнь – такая среда, где могут существовать разные механизмы (нормативный, институциональный, судебный, договорный и иные), но среда эта имеет собственную динамику, не сводимую к сумме механизмов.

Интересно, что и сам С.С. Алексеев, вводя понятие механизма правового регулирования, понимал его ограниченность, писал о «психологическом механизме» воздействия права, о роли правосознания и правовой культуры [1, с. 62–63]. Современная же задача состоит в том, чтобы, опираясь на его системный анализ, «дополнить» механизм субъективностью, историчностью и культурной обусловленностью.

Так, при оценке эффективности права нельзя ограничиваться формальными показателями (количество принятых норм, число возбужденных дел и т.д.). Необходимо изучать реальное правовое поведение, включая пассивные стратегии (уклонение, апатию). Высокий уровень правовой апатии, даже при внешнем соблюдении законов, – тревожный сигнал, указывающий на то, что право не стало частью внутреннего мира субъектов. В таких случаях бесполезно «совершенствовать механизм» путем ужесточения санкций; нужно менять условия жизни, уменьшать коррупцию, повышать доверие граждан и т.д.

Правотворчество должно издавать те правила, для осуществления которых наличествуют или одновременно создаются условия для прохождения позитивным правом этапов индивидуализации, конкретизации и фактического воплощения, что во многих случаях требует упрощения процедур, снижения издержек, борьбы с коррупцией, правового просвещения и иных мер.

Правовая культура и правосознание не должны рассматриваться как дополнения к механизму правового регулирования, они и есть реальный регулятор поведения людей.

Наконец, юридическая наука и образование должны критически относиться к механистической риторике. Студентов-юристов следует учить не только схемам, но и пониманию психологии, экономики, социологии права.

Заключение

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Категория «механизм правового регулирования», введенная С.С. Алексеевым, сыграла положительную роль в систематизации юридического знания и выделении стадий и элементов правового воздействия и сохраняет дидактическую ценность, может применяться для моделирования простых, формализованных правовых режимов, а также для первоначального изучения правовых систем.

2. Использование категории «механизм правового регулирования» имеет пределы. Право не является техническим устройством; его «работа» неразрывно связана с сознанием, волей, интересами, ценностными установками людей. Механическая метафора ведет к недоучету роли правосознания и правовой культуры, невозможности адекватно описать такие феномены, как правовая апатия, правовое отчуждение и адаптивное поведение.

3. Разграничение проектно-конструкторской документации (позитивное право) и реальных регуляторов (индивиды) показывает, что нормы сами по себе не создают изменений, эффект возникает только при переходе позитивного права в индивидуальное, конкретное и фактическое – т.е. при условии активной роли субъекта.

4. Для преодоления ограниченности механистической схемы продуктивнее использовать категорию «правовая жизнь», охватывающую всю совокупность юридических практик, включая деформированные и

адаптивные и позволяющую исследовать право в его реальной динамике, с учетом культурных, психологических и ситуационных факторов.

5. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой интегративных моделей, которые сочетали бы субъектно-ориентированный и культурно-исторический подход. Необходимо создание таких теоретических конструкций, которые могли бы объяснить не только «нормальное» действие права, но и случаи его бездействия и отторжения.

Таким образом, категория «механизм правового регулирования» в юриспруденции привычна, традиционна, и ее использование вполне возможно и допустимо, однако превращать ее в универсальную схему процесса правового регулирования означает упрощенное и, в конечном счете, неадекватное видение правовой реальности. Понимание того, что право существует не в виде механизма, а в форме сложной, противоречивой и адаптивной правовой жизни с собственной структурой позволит юридической науке давать реалистичные рекомендации для правовой политики и юридической практики, а также воспитывать юристов, способных мыслить адекватно фактической реальности.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – Москва: Юридическая литература, 1966. – 187 с.

2. Сырых В.М. О регуляторах в правовом регулировании / В.М. Сырых // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12). – С. 2–21.

3. Панченко В.Ю. Полиморфия права и структура правовой жизни / В.Ю. Панченко // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12). – С. 5–10.

4. Панченко В.Ю. Деформация правосознания, правовой культуры и адаптивное поведение в правовой жизни: о критериях разграничения в контексте диалектики интересов / В.Ю. Панченко, Л.А. Петручак // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12). – С. 9–31.

5. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А.В. Малько // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 6–10.

6. Гурьев В.В. Государственно-правовая жизнь общества: проблема минимизации конфликтности и расширения сферы сотрудничества / В.В. Гурьев // Государственно-правовые исследования. – 2022. Вып. 5. – С. 91–96.

References

1. Alekseev S.S. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve = Mechanism of Legal Regulation in the Socialist State*. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ. 1966. 187 p. (in Russ.).

2. Syrykh V.M. On Regulators in Legal Regulation. *IP: teoriya i praktika*. 2025. No. 4 (12). P. 2–21 (in Russ.).

3. Panchenko V.Yu. Polymorphism of Law and the Structure of Legal Life. *IP: teoriya i praktika*. 2025. No. 4 (12). P. 5–10 (in Russ.).

4. Panchenko V.Yu., Petrushak L.A. Deformation of Legal Consciousness, Legal Culture and Adaptive Behavior in Legal Life: on the Criteria of Differentiation in the Context of the Dialectic of Interests. *IP: teoriya i praktika*. 2025. No. 4 (12). P. 9–31 (in Russ.).

5. Mal'ko, A.V. The Category of «Legal Life»: Problems of Formation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2001. No. 5. P. 6–10 (in Russ.).

6. Gur'yev, V.V. State-Legal Life of Society: The Problem of Minimizing Conflict and Expanding the Sphere of Cooperation. *State and Legal Studies = Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya*. 2022. Iss. 5. P. 91–96 (in Russ.).

Статья поступила: 02.06.2026, принята к публикации: 10.06.2026.

© Панченко В.Ю., 2026